

Мин Джун кое-как выдержал утро, успокаивая обиженного Тому, но тело всё ещё ныло после ночи, проведённой в объятиях Дайки. Он считал, что, будучи молодым, выносливости у него не отнять, но с Дайки он явно не мог тягаться. В таком темпе он даже не знал, когда сможет осуществить свой тайный план. Эта мысль была для него таким грузом, что поделиться ею с Томой он точно не мог.

Тома, заметив, что Мин Джун замолчал, придвинулся ближе и чмокнул его в щёку:

— Мама, ты живой? Не умер?

— Конечно, живой.

— Ну и ладно. А когда Тома сможет пойти посмотреть на зверюшек?

Мин Джун, выдавив из себя улыбку, посмотрел на Кэнта, который стоял рядом, словно деревянный столб.

— Я попробую поговорить, но ничего не обещаю.

— Как это — ничего не обещаешь? Что, наш Тома так и будет всю жизнь только кричать «зверюшки» и больше ничего не видеть?

— Точно! Тома только и знает, что «зверюшки»! Кэнта, скажи папе!

От его укоризненного взгляда сердце Кэнты сжалось. Он лучше всех понимал, почему Дайки не хочет выпускать Тому на улицу, и не мог пообещать невозможного.

В голубом свитшоте и белых шортах Тома выскользнул из объятий Мин Джуна и, подойдя к Кэнте, поманил его пальчиком. Кэнта присел на колени, чтобы быть с ним на одном уровне. Тома обнял его за шею своими крошечными ручками.

— Кэнта, Тома хочет в зоопарк. Буду смотреть на зайчиков и на... цыплят.

Кэнта едва сдержал стон от умиления. Каждый раз, когда Тома так мило просил, у него буквально подкашивались ноги. Он осторожно обнял маленькое тельце:

— Хорошо. Попробую поговорить с папой.

— Правда? Правда-правда? Ура! Тома увидит цыплят!

Тома от радости вырвался из его объятий и начал хлопать в ладоши в каком-то странном ритме, одновременно пританцовывая. Мин Джун, пытаясь повторить этот странный танец, чуть не свёл себе спину.

— Мама, а мы увидим кобури?

— Конечно, увидим. Но кто это такой — этот твой кобури?

С «цыплёнком» и «зайчиком» всё понятно, но «кобури» он слышал впервые. Тома вдруг лёг на пол и начал странно извиваться. Мин Джун последовал его примеру.

— Мама, ты не знаешь, как?

— Вот так?

— Да, это и есть кобури.

Маленький «ангел» продолжал показывать свои движения, а Мин Джун, с таким же восторгом, копировал его. Кэнта, наблюдая эту сцену, думал только об одном: ради Тома он готов на всё, даже на смерть, но рядом с Мин Джуном ему приходилось держать себя в руках.

Мин Джун, наконец, догадался, что «кобури» — это змея, и показал Томе картинку из книги. Тот радостно обнял его за шею:

— Мама умный! Мама гений!

— Я тебя тоже люблю, малыш.

Так они вдвоём катались по полу, а Кэнта наблюдал за этой идиллией целых полчаса.

После обеда Тома уснул, и в доме воцарилась редкая тишина. Кэнта, взяв чашку кофе, ушёл в кабинет. Ему и в голову не приходило задержаться в спальне босса, где спал Мин Джун. Он стоял у окна, заставляя себя сдерживать вздох. Он не мог позволить себе слабость. Он обязан был добиться разрешения сводить Тому в зоопарк, даже если Дайки разозлится.

— Сказать, что я убил бы пару человек, было бы проще, — пробормотал он сквозь зубы.

Спустя некоторое время Мин Джун и Тома ползли по полу в сторону Кэнты, извиваясь, словно змеи. Кэнта едва удержался, чтобы не отойти в сторону. Тома даже смешно высовывал язычок.

— Кэнта, когда Дайки вернётся?

— Папа скоро будет дома.

— Тогда мы его подождём!

— Перестаньте, пожалуйста, — с мольбой сказал Кэнта, но его никто не слушал.

Тома уверял, что когда придёт папа, они все вместе будут «змейками». Кэнта, поддавшись на уговоры, даже сам немного поползал по полу, и едва не умер от стыда, когда в этот момент в комнату вошёл Юки, чтобы сообщить о возвращении босса. После этого он с трудом сдержал рвотный позыв, а Мин Джун, узнав причину его реакции, долго смеялся.

Когда Дайки вошёл в дом, первое, что он увидел, — это две странные фигуры, ползущие по полу. Он поднял бровь. Ночь и утро он провёл с Мин Джуном, а днём его мучили мысли только о нём. И, конечно, вернувшись домой, он ожидал чего угодно, но не этого.

— Мы играем в змей! — радостно объяснил Мин Джун, махнув ему рукой.

— Папа! — Тома, позабыв про утренние обиды, радостно пополз навстречу.

Дайки перевёл взгляд на Кэнту, и тот, опустив голову, тихо пояснил:

— Они... играют в змей.

— С какого времени?

— С утра...

Дайки снова посмотрел на Мин Джуна. А потом, глядя на его улыбку, низким голосом произнёс:

— Встань. Вместе с Томой.

— Да.

Мин Джун слишком хорошо знал, что низкий голос Дайки — это знак опасности. Он тут же вскочил, прижимая к себе всё ещё извивающегося Тому.

— Папа, Тома здороваётся!

Дайки перевёл холодный взгляд с Мин Джуна на сына и протянул руки. Прижимая мальчика к себе, он немного смягчился.

— Папа, «змейка» не умерла. Тома теперь может её увидеть. Папа, я тебя люблю.

Будто он уже получил разрешение на поход в зоопарк, Тома прижался щекой к широкой груди отца. Потом резко вскинул голову, и, если бы не быстрая реакция Дайки, едва не ударился бы о его подбородок.

— Папа тоже будет змейкой! Тома — это папина змейка!

— Тома, люди не могут быть змеями.

— Неправда. Сегодня весь день Тома был змейкой. Мама так сказал. Тома даже в туалет лежа ходил. Правда, мама?

Мин Джун, встретив холодный взгляд Дайки, невольно попятился. Было невозможно поверить, что этим же утром этот человек был страстным и нежным. Теперь же его глаза говорили: «Ты осмелился сделать из моего сына змейку? Сейчас получишь».

Дайки передал сына Кэнто, а, проходя мимо Мин Джуна, коротко приказал:

— Идём.

Голос был таким угрожающим, что Мин Джун не поверил своим ушам. Ещё ночью этот мужчина был страстным и жадным, а сейчас его взгляд словно говорил: «Ещё раз тронешь моего сына — узнаешь, что такое боль».

Тома, заметив, как дрожит Мин Джун, даже попытался успокоить его: погладил по голове.

— Я... я скоро вернусь, — пробормотал он.

— Мама, папа сердится? Может, Тома пойдёт с тобой?

— Правда? Это бы очень помогло, — обрадовался Мин Джун.

Но Кэнта строго покачал головой:

— Это не лучшая идея. Вам лучше...

— Лучше что? — Мин Джун посмотрел на него с надеждой.

— Лучше... молиться. Я уже говорил: босс не трогает обычных людей.

— Что за утешение, — пробормотал Мин Джун, покраснев от воспоминаний о ночи, проведённой с Дайки.

Он глубоко вдохнул, пытаясь собраться, и подошёл к кабинету босса. Юки, проходя мимо, остановился:

— Сообщить, что вы пришли?

— Нет, дайте мне минуту. Нужно собраться.

— Зачем так волноваться? Босс обычных людей не трогает.

Мин Джун лишь мысленно закатил глаза, сдержав желание ответить вслух: «Да трогает он, и как ещё!»

Наконец, он кивнул:

— Сообщите, что я пришёл.

Юки постучал, и дверь в кабинет открылась. Мин Джун вошёл, решив, что обязан объясниться и добиться согласия на поход в зоопарк.

В кабинете, как обычно, за компьютером сидел Рен, а рядом стояли охранники — Хакуто и Ицуки. Дайки лишь бросил взгляд на Мин Джуну и лёгким кивком выгнал всех.

Когда дверь закрылась, тишина стала почти ощутимой. Мин Джун не знал, куда деть руки, и, несмотря на все попытки успокоиться, мысли о прошлой ночи заставляли его краснеть.

— Понимаете, в этом есть причина, — начал он сбивчиво. — Тома... он спрашивал про цыплёнка и зайца, которые «умерли», а потом начал изображать змейку. Мне вспомнилась игра из детства... и я решил показать. Но Тома так обрадовался... а в зоопарке он ещё ни разу не был...

— Когда ты перестанешь нести этот бред? — холодно перебил Дайки.

— Простите?

— Я спрашиваю: когда перестанешь говорить чепуху?

Дайки с трудом сдерживал раздражение. Он весь день не мог ни на чём сосредоточиться, думая о Мин Джуне. А вернувшись домой, застал его ползающим по полу. Дайки сжал зубы: он вложил немало усилий, чтобы не оттолкнуть его тогда, не сорваться и не выместить злость.

Мин Джун, нервно облизывая губы, выглядел таким растерянным, что это только сильнее будоражило Дайки. Он опустил взгляд на прикушенные губы и вспомнил утро, когда им помешал Тома.

Резким движением Дайки притянул Мин Джуну к себе, лишив его возможности дышать.

— М-м... ммм!

Одной рукой он обхватил его талию, другой поднял лицо и впился в его губы. Прежде чем

поцеловать глубже, грубо прикусил губу, только что тронутую пальцами Мин Джуна. Тот едва слышно застонал от боли и неожиданности.

— Ай... — выдохнул он, но Дайки, теряя контроль, лишь крепче прижал его к себе.

Дайки целовал так отчаянно и безжалостно, что у Мин Джуна закружилась голова. У человеческих губ, конечно, не может быть вкуса, но его губы казались до одури сладкими, и Дайки никак не мог отпустить их. Руки, сжимавшие пиджак, скользнули к шее, обвили её. Пальцы, проникшие под рубашку, нашли тёплую кожу и жадно заскользили по ней. Когда Дайки грубо отстранил его руки, Мин Джун только судорожно вздохнул.

— Ха-а... ха-а...

— Осмелел, да? Думаешь, можешь фокусы тут показывать?

В глазах Мин Джуна теперь плескалась откровенная, тягучая чувственность, и от этого у Дайки перехватывало дыхание. Он вдруг показался до невозможности соблазнительным — не было и следа от того нелепого «ползания по полу» в образе змейки. Дайки мягко прикусил его губы, а затем перешёл на нежные, неторопливые поцелуи — полная противоположность прежней грубой страсти.

Мин Джун от этих поцелуев словно лишился рассудка. Все мысли о том, зачем он сюда пришёл и что хотел сказать, растворились, оставив в голове пустоту. Когда тёплые ладони приподняли его свитер, обнажая кожу, он, не задумываясь, ответил, скользнув пальцами по телу Дайки.

— Ха-а... ммм... Дайки...

Дайки легко подхватил его и усадил на стол, задрал свитер почти до шеи. Соски, ещё припухшие от утренних ласк, сразу привлекли его внимание. Он наклонился и взял один в рот, настойчиво терзая языком.

С тихим, но пронзительным стоном Мин Джун выгнулся. От резких движений по телу побежали дрожащие волны — боль быстро сменилась острым наслаждением. Он, задыхаясь, царапал бёдра Дайки поверх брюк, отчаянно желая увидеть татуированную кожу под ними.

Но внезапно Дайки резко отстранился, опустил свитер и дёрнул Мин Джуна за руку, приподнимая с края стола. Мин Джун, не успев понять, что происходит, едва не потерял равновесие, а в следующее мгновение дверь распахнулась, и в кабинет вбежал Тома.

Мин Джун, растерянно глядя на собранного, холодного Дайки, поспешно вытер пальцами раскрасневшиеся губы.

— Мама, папа тебя обидел? Папа плохой!

Тома, увидев красное лицо Мин Джуна, тут же заплакал. Мин Джун схватил мальчика на руки, крепко прижимая к груди.

— Почему плачешь?

— Мама плачет? Папа сделал больно, да?

— Н-нет, нет, всё хорошо, Тома. Папа меня не ругал, правда. Успокойся.

— Правда? Не ругал?

— Правда.

Мин Джун украдкой взглянул на Дайки — холодный, отрешённый, словно чужой. А тело всё ещё предательски дрожало от недавней близости; ноги подкашивались, а грудь жгло от прикосновений.

Дайки, не сказав ни слова, протянул руки и забрал сына на руки.

— Иди ко мне, Тома.

— Если папа маму обижает, я «рык-рык» сделаю!

— Не обижал.

— Папа, пойдём посмотреть зайчиков и цыплят! Вместе!

— Зайчиков?

Тома, обхватив шею отца, сложил пальцы домиком над головой, изображая уши, и забавно подёргал бёдрами.

— Да, зайчиков.

— Ты про кроликов?

Дайки перевёл взгляд на Мин Джуна. Тот, растерявшись, метнул умоляющий взгляд в сторону Кэнты, явно рассчитывая, что тот заговорит о зоопарке первым. Но Кэнта лишь отвёл глаза.

— Что это? — голос Дайки стал холоднее. — Ты что-то хочешь сказать?

— Н-нет... пока нет.

— Пока нет?

Тома, дернув отца за лицо, вмешался:

— Тома хочет! Мама, а где этот дом с зайчиками и змейками?

— Э-э... потом папе расскажем, ладно?

— Нет! Сейчас хочу сказать!

Мальчик надул щёки, замотал головой и затопал ножками. Дайки нахмурился.

— Этот «дом», о котором он говорит... это то, о чём я думаю?

— Вы тоже догадались? Тогда мы пойдём? Когда?

— Кэнта.

— Да, босс.

— Ты всё это время просто стоял и молчал?

— Простите. Но мне тоже кажется несправедливым, что Тома ни разу не был в зоопарке. Я...

— Значит, ты его подбивал?

— Виноват.

— Тогда мой ответ — нет, — отрезал Дайки. — Тома ещё слишком мал, он не поедет в место, где толпы людей. Всё, разговор окончен.

Тома, поняв отказ, заплакал ещё громче и кулачками стал стучать отцу по груди.

— Ненавижу! Хочу! Хочу в зоопарк!

Мин Джун оттолкнул Дайки, прижимая к себе всхлипывающего сына. Утирая слёзы, он злым взглядом посмотрел на мужчину.

— Неужели нельзя сказать мягче? Зачем так резко обрывать?

— То есть ты предлагаешь мне врать ему?

От этих слов Тома зарыдал ещё сильнее. Дайки, раздражённо щурясь, бросил взгляд на Кэнту. Тот, уговаривая мальчика, увёл его из кабинета.

Дверь закрылась, и в комнате снова остались только двое. Мин Джун невольно задрожал, словно от холода. Дайки нахмурился.

— Я что, ем людей? Почему ты так дрожишь?

— Ч-что? Нет... это... как-то... само собой. Я не могу это контролировать.

Дайки, скрестив руки, облокотился на стол и уставился на него.

— У тебя есть две минуты. Говори.

— Д-две? Скупой. Даже лапша заваривается три минуты, а вы...

Он подумал, что сказал это про себя, но, увидев, как темнеет лицо Дайки, судорожно зажал рот ладонями.

Мин Джун лихорадочно соображал, как уговорить его за эти две минуты. Но под тяжёлым взглядом мысли в голове рассыпались, и время истекло, прежде чем он успел что-то придумать.

— Говори.

— Я... я знаю, что безопасность Тома превыше всего, но ведь вы будете рядом. И Рен, и Кэнта. Так что всё будет в порядке.

— И?

— И... чёрт, пойдём уже, — вырвалось у Мин Джуна вслух.

— Чёрт? — медленно повторил Дайки, будто смакуя чужое слово.

Мин Джун, покраснев, замотал головой.

— Это... это типа «пожалуйста». Вот.

Дайки недовольно нахмурился, но промолчал.

— Нет. В зоопарк мы не пойдём. Если я не иду — Тома тоже не идёт. Всё. Можешь идти.

— Ну подумайте ещё раз! В таком возрасте поход в зоопарк — особенное событие. Пожалуйста!

Дайки повернул голову и долго, пристально смотрел на него. Мин Джун дрожал, но не отводил взгляд, несмотря на страх.

— Почему ты так упираешься?

— Что?

— Почему ты ради Тома готов на всё?

— Что за странный вопрос? Конечно, потому что я его мама. И если он счастлив, я тоже. Даже если его папа ужасно пугающий и злой.

Мин Джун, не решившись произнести последние слова по-японски, тихо пробормотал их на корейском. В тот же миг дротик просвистел мимо и вонзился в дверь, едва не задев его правое ухо. Мин Джун, вскрикнув, осел на пол и в ужасе обхватил голову.

— 3-за что вы так? — выдохнул он.

— Ты правда не понимаешь? — холодно отозвался Дайки. — Ещё раз начнёшь болтать лишнее — сам пеняй.

Мин Джун ощутил злость. Как он может называть его чувства «лишними»? Десять секунд он злился на Дайки, но дольше не мог — слишком уж тот был для него притягателен. Этого времени, впрочем, хватило, чтобы Мин Джун вскочил и схватил Дайки за лацканы пиджака:

— К-как можно говорить, что чьи-то чувства — это «лишнее»? Когда Тома говорит «мама, Пик-пик и Ква-ква» (тут имеется в виду цыплёнок и лягушка), сердце так сжимается, будто его кто-то пнул. Я ведь ещё в годовалом возрасте, голенький, в доме бабушки, позволил цыплёнку клюнуть меня... туда. А потом, играя с кроликом, наелся клевера и попал в больницу с промыванием желудка! Все так растут, с животными рядом! А этот зоопарк... да что в нём такого, чтобы я так мучился? Это жестоко... назвать это «лишним»... И что вы сейчас разглядываете?

Дайки, молча опустив взгляд, уставился на его бёдра. Мин Джун тут же выпустил лацканы и прикрылся руками:

— Ч-что вы такое говорите... Сейчас это вообще неважно!

— Ещё как важно. Ладно, потом проверим. А пока... корейский — под запретом. Хочешь говорить — только вежливо. И ещё... скажу Сё-сану, чтобы он отвёз вас в ближайший зоопарк.

— Правда? Серьёзно? Только попробуйте передумать — я обижусь! Ура! Тома, идём в зоопарк!

Он радостно вскинул руки, хотя где-то в глубине чувствовал, что упустил важную деталь из сказанного Дайки. Немного подумав, он нахмурился и посмотрел на него:

— Пойдите. А почему с Сё-саном? А вы?

— Я не поеду. Иди.

— Нет! — неожиданно твёрдо сказал Мин Джун, хотя внутри дрожал, как осиновый лист. — Поедем вместе. У Тома есть папа, зачем ему чужой человек? Дайки, поехали с нами.

— Я с Томой вместе не бываю. Это правило. И нарушать его не собираюсь, — спокойно, но твёрдо ответил Дайки.

Мин Джун мотнул головой, и чёлка упала на лоб:

— Неправда. Правила созданы, чтобы их нарушать. Подумайте ещё раз.

Дайки шагнул к нему. Мин Джун, будто приросший к полу, не мог сдвинуться. Когда рука Дайки коснулась его лба, отодвигая пряди, он зажмурился... но ощутил лишь тёплое, бережное прикосновение. Мин Джун открыл глаза и увидел его рядом. Взгляд Дайки был холодным, как всегда, но прикосновение — обманчиво тёплым.

— Я хочу пойти с вами, — прошептал Мин Джун.

— Кто хочет?

— Тома... ну и я тоже...

— Что-то плохо слышно, — тихо, глухо произнёс Дайки.

Мин Джун вздрогнул — от голоса будто всё внутри плавилось.

— Я хочу пойти вместе с вами.

— Кто именно? Не Тома.

«Ну почему ты издеваешься...» — с отчаянием подумал Мин Джун. Наконец он, почти выкрикнув, сказал:

— Я тоже хочу пойти в зоопарк с вами!

Он представлял, как они будут фотографироваться с животными, есть из одной коробки бэнто, делить сладкую вату... «Хоть курицей стану, лишь бы эти «куриные нежности» были с ним», — подумал он.

Но когда Дайки приподнял подбородок, Мин Джун инстинктивно отшатнулся, думая, что его ударят. Вместо этого сильные руки резко притянули его к твёрдой груди. Дайки приподнял его лицо, взгляделся прямо в глаза и тихо произнёс:

— Почему ты всё время от меня убегаешь? Неужели считаешь меня таким уж жестоким?

Низкий, почти шепчущий голос Дайки снова всколыхнул сердце Мин Джуна. Дыхание перехватило, и из приоткрытого рта вырвался горячий выдох. Там, где прошлой ночью он, преодолевая себя, принял Дайки, всё ещё саднило и пульсировало от ноющей боли.

— Хочешь, я пойду с тобой? — тихо спросил Дайки.

— Да... — прошептал Мин Джун.

Губы Дайки едва коснулись его нижней губы и тут же отстранились. Охваченный жадным желанием, Мин Джун сам потянулся, встал на носки и накрыл губы Дайки поцелуем, жадно ища его язык. Но тот лишь рассмеялся и мягко отстранил его.

— Хорошо. Но за всё приходится платить. Покажи мне свой шрам.

«Да конечно, покажу, что тут такого», — машинально подумал Мин Джун, не сразу сообразив, что именно имел в виду Дайки. Он задрал штанину и протянул вперёд ногу:

— Вот, на косточке видно? Я на велосипеде тогда...

— Стоп. Кто просил показать этот шрам? — голос Дайки стал раздражённым. — Ты головой думаешь вообще? Если я не уточню, ты ничего не понимаешь?

Мин Джун торопливо закивал, как нашкодивший ребёнок. Дайки шумно выдохнул, а потом, глядя прямо в глаза, медленно, отчётливо сказал:

— Шрам от того, как тебя тогда цыплёнок клюнул. Его покажи. Тогда и пойду с вами.

«Шрам от цыплёнка? Да это же когда было! И вообще, даже если он был, сейчас там всё идеально ровное и... чертовски сексуальное», — с досадой подумал Мин Джун, сердито глядя на Дайки. Но стоило его тёплым пальцам скользнуть по талии, как злость растворилась. Сердце колотилось так сильно, что казалось, воздуха не хватает.

Он понимал: придётся выбирать. Зоопарк и радость Тома... или гордость. И он уже знал, что выберет. Ради Тома. Ради того, чтобы у сына остались светлые воспоминания, даже если однажды его самого рядом не окажется.

«Ну, если шрама нет... можно и сделать. Пара царапин — и дело в шляпе. Только вот больно будет», — с тоской подумал Мин Джун.

— Хорошо, — выдохнул он. — Только слово сдержите.

— С кем ты так говоришь, а? — насмешливо фыркнул Дайки и, не давая времени опомниться, накрыл его рот поцелуем. Жёстким, требовательным, не оставляющим ни секунды на дыхание.

---

— Мама! Мама! Мама! — Тома почти уткнулся носом в лицо Мин Джуна, который, погружённый в свои мысли, даже не заметил, как малыш подбежал.

— Ох, чёрт! — вскрикнул он, валясь назад.

Да, испугался он не только крика Тома, а скорее того, что до этого думал о всякой ерунде: как именно оставить на себе царапину, как показать шрам и... чем это всё закончится. И теперь, глядя в чистые глаза сына, ему стало мучительно стыдно.

Вечером мысли о зоопарке и Дайки снова переплелись. Мин Джун понимал, что, возможно, ему придётся показать не только «шрам», но и себя — всего. Он дрожал от предвкушения и страха. Но стоило взглянуть на Тома, который обожал свои книги о животных, износил их до дыр, — и все сомнения улетучивались. Ради Тома он готов был и на большее.

— Мама, это папа-ры-рр? — спросил Тома, показывая на льва в книге.

— Нет, малыш, это лев. Он рычит «ррр», но папа у тебя вот этот — леопард. Красавец, правда?

— Ага! Это папа! — радостно согласился Тома.

Мин Джун обнял его, и в горле зашипало от нежности. Где-то сбоку Кэнта, наблюдая за сценой, мысленно аплодировал — в который уже раз видя одно и то же и всё равно поражаясь, с какой искренностью Мин Джун умел радоваться вместе с ребёнком.

Позже, когда Тома заснул, крепко вцепившись в его пижаму, Мин Джун тихо пообещал:

— Я никуда не уйду, малыш. Спи спокойно.

Он знал, что в какой-то момент ему придётся выскользнуть в комнату Дайки. Но сейчас — только они двое. И, обняв сына, он сам не заметил, как провалился в сон.

Мин Джун обычно не видел снов — засыпал где угодно и спал крепко, и это всегда было удобно. Но на этот раз ему приснилось, что он летит в небе. Правда, сон был странный: он не смотрел вниз на землю, а наоборот — лежал на спине и смотрел в небо, будто плывя по воздуху.

«Э, я что, на спине лечу? А если упаду?» — даже во сне у него сработал инстинкт выживания, и он попытался перевернуться, но ничего не вышло. Тогда Мин Джун начал размахивать руками и ногами.

---

В тот вечер он вернулся домой позже обычного, и, как и ожидал Дайки, уснул, обняв Тому. В другое время Дайки не стал бы будить спящего, чтобы утолить своё желание. Да и не было ещё никого, кого он так хотел бы.

Сначала он просто тихо поцеловал спящего Тому в лоб и ушёл к себе. Но в душе всё время перед глазами стояло лицо уснувшего Мин Джуна. В итоге он вернулся, поднял его на руки и понёс к себе. И тут спящий Мин Джун вдруг начал размахивать руками, будто плыл на спине, отчего Дайки впервые за долгое время рассмеялся в полный голос.

Никогда прежде ему не встречался такой человек, как Мин Джун. И никогда он не находил мужчину... таким милым. Он прекрасно понимал, что всё больше увязает в этом чувстве, но называл это чем угодно, только не любовью. Для него любовь не существовала.

Даже когда они дошли до кровати, «плавание на спине» не закончилось, и Дайки снова рассмеялся, с приятной вибрацией в груди. Он чуть грубовато уложил Мин Джуна на кровать, рассчитывая разбудить его.

Мин Джуну же приснилось, что он падает с головокружительной высоты в чёрную бездну. Он вскочил, хватаясь за лицо и тело, проверяя, цел ли.

— Фух, руки-ноги на месте, и моё красивое лицо в порядке... А вдруг внутренности наружу вышли? — он поднял пижаму, осмотрел живот. — Нет, всё цело... Стоп. Может, я умер? Я ведь с такой высоты упал...

— Если это нарочно, то пора бы прекратить, — раздался из темноты голос Дайки.

Мин Джун подскочил, а матрас под ним заметно просел.

— Чёрт, напугали... Что вообще происходит? — он огляделся и понял, что находится не в комнате Тома, а в спальне Дайки.

«Постой... Так это не я летел, а он меня нёс?!»

Как только осознание пришло, лицо Мин Джуна покраснело.

«Только бы я не бормотал во сне... не ругался, не размахивал руками... Наверняка всё было тихо, точно».

Но, взглянув на Дайки, который, устроившись в кресле, спокойно пил вино и загадочно усмехался, Мин Джун понял: он не просто махал руками, а ещё и ногами, как при плавании.

— Э-э, а что... зачем вы меня сюда притащили? — осторожно спросил он.

— Покажи.

— Сейчас?.. Но я же только что спал...

— Спал? А я подумал, что ты в бассейне кроль на спине тренируешь. Вид у тебя был один в один, — хмыкнул Дайки.

Мин Джун едва не прокусил себе губу от стыда. Но упрямство не позволяло показать слабость.

Если бы у него и правда был шрам, он бы, наверное, уже и штаны снял, и показал. Но никаких следов не было — ни малейшей царапины. Поэтому он только терзался мыслью, как бы по-быстрому оставить там хоть какой-нибудь «след», чтобы доказать, что шрам существует.

— Лицо у тебя такое, будто ты кучу всего сказать хочешь, — заметил Дайки.

— Мне нечего сказать... совсем нечего... Но... вам обязательно это прямо сейчас нужно?

— Не хочешь — забудем, — пожал плечами Дайки.

— Что значит «забудем»... Ладно, покажу. Но вы тогда отвернитесь, ладно?

— Зачем? — с ленивой улыбкой ответил он, раскинувшись в кресле и раздвинув ноги. Из-под халата показался тёмно-красный, наполовину вставший член. Было ли это из-за вина или из-за горячего душа — неизвестно, но Мин Джун даже на секунду не подумал, что причина в нём. Он сглотнул и невольно уставился туда.

— Чего так смотришь? — заметил Дайки.

— Н-не... ни на что я не смотрю... — выдавил Мин Джун, поспешно отводя взгляд.

Мин Джун покачал головой, отводя взгляд, но его глаза, словно приклеенные, не могли оторваться от того места. Однако, когда до его ушей донесся низкий смех Дайки, Мин Джун, словно замороженный, поднял голову. С веселым выражением лица Дайки, не отпуская взгляда Мин Джуна, медленно вращал бокал с вином.

— Хватит уже смотреть, лучше покажи свое. Я, хоть и не выгляжу так, но я не особо терпелив.

— Минутку... Подождите, пожалуйста.

Мин Джун пробормотал что-то рассеянно, затем развернулся. Он не мог оставить следы от ногтей на виду у Дайки, поэтому сначала повернулся, а затем потянул за резинку штанов. Одна только мысль о том, чтобы вонзить ногти в нежную кожу, заставляла то место гореть. Но Мин Джун, вспомнив о Томе, засунул руку в штаны и приложил ноготь к пенису.

— Что ты делаешь?

— Ай, испугал!

Голос Дайки, неожиданно раздавшийся за спиной, так напугал Мин Джуну, что он потерял равновесие и повалился на кровать. Одна рука всё еще была засунута в штаны.

Дайки смотрел на вздувшуюся штанину, размером с кулак, и спросил крайне недоуменным тоном:

— Мне интересно, что ты делал, но я не хочу этого знать.

— Нет. Это не то, о чем вы подумали. То есть, шрам был очень старым и его плохо видно...

— А когда встанет, будет видно?

— Что? Нет? Я трогал не поэтому, пожалуйста, не поймите неправильно.

— Ладно. Допустим, я неправильно понял. Так зачем ты трогал?

— Это... В общем, ничего.

Поскольку вышло так, что получилось, будто он трогал себя, чтобы возбудить, Мин Джуну было до жуткого стыдно, его лицо пылало. Возможно, поэтому, раз уж так вышло, он, с настроением «будь что будет», набрался наглости и сказал правду.

Услышав слова Мин Джуну, брови Дайки поползли вверх-вниз, словно качели. Но это выглядело до неприличия сексуально, и Мин Джун почувствовал отчаяние. Ему захотелось укунить то место, чтобы хоть как-то оставить шрам.

— Нету?

Мин Джун не смог вымолвить ни слова и лишь кивнул.

— Скажи словами.

— Нет. Вернее, он исчез, потому что прошло слишком много времени. Это было в детстве, не может же он остаться, правда? Это был просто вот такой маленький цыплёнок... И мой тоже был маленький.

Мин Джун, показывая два пальца, чтобы подчеркнуть размер цыпленка, оправдывался.

— Тогда надо было сразу так и сказать. Почему солгал?

— Я не лгал. Я думал, что он есть, но посмотрел... и нет.

— Увидел? Значит, сам посмотрел.

— Это мое... конечно, смотрю.

«Нет, почему такой сыр-бор из-за того, что я смотрю на свой член?»

Мин Джуну было непонятно, почему Дайки смотрит на него с таким недовольством, но он промолчал.

— Ладно. Может быть и так. Признаю, шрам мог исчезнуть.

— Спасибо.

Мин Джун склонил голову, обрадовавшись.

— Тогда что будем делать? Получается, наша договоренность аннулируется.

— Аннулируется?

Мин Джун, который только что искренне радовался, поднял и без того слегка приподнятые, как у кошки, глаза еще выше.

— Можно же сделать что-то другое. Тома так ждет, нельзя. Что угодно, но другое.

— Другое... Раз уж ты сказал, я сдержу слово.

— Конечно.

Мин Джун успокоился, увидев, что Дайки, вопреки ожиданиям, не злится, а понимает. Поэтому расслабившийся Мин Джун не заметил коварную улыбку, появившуюся на лице Дайки.

— Если нет шрама, может, заменишь его ртом?

— Ртом? Но у меня во рту нет шрама.

— Дурак? Ты совсем не соображаешь?

Терпение Дайки лопнуло при виде Мин Джуна, с невинным лицом склонившего голову набок, и он схватил его за тело и притянул к себе.

— Неужели не понимаешь, что значит «сделать ртом»?

Когда в прозрачных черных зрачках медленно вспыхнуло горячее желание, Мин Джун наконец понял, что значит «сделать ртом», и покраснел. Сам того не осознавая, он опустил взгляд и уставился на полностью сформировавшийся темно-красный пенис, виднеющийся в расстегнутом халате. Почувствовав этот взгляд, Дайки твердым пенисом надавил на внутреннюю сторону бедра Мин Джуна.

Когда твердый член начал упираться в бедро поверх пижамы, взгляд Мин Джуна тоже стал странным. Он был молод, но у него уже был опыт отношений с мужчинами. Небольшой, но один или два раза он вступал в близость. Мин Джун более чем понимал, чего хочет Дайки.

Он не знал, удовлетворится ли такой человек, как Дайки, его неумелыми действиями, но Мин Джун встал на колени на кровати. Прежде чем обхватить рукой пенис с подавляющей толщиной, Мин Джун сглотнул так, что затрясся кадык, и сказал Дайки:

— Если я доведу тебя до конца, отдай мне свой день.

Сквозь наступившую мгновенную тишину послышался звук сглатывания. До сих пор никто не осмеливался просить у него его день. Но когда всегда суетливый и напуганный Мин Джун потребовал провести с ним день, Дайки растерялся. И в то же время, от горячего дыхания, коснувшегося его пениса, в низу живота возникло дергающее, щекочущее удовольствие, и Дайки не мог сдержать дыхание.

— Если сможешь довести.

Его голос прозвучал настолько кровожадно, что резануло по ушам даже ему самому. Дайки подумал, что Мин Джун, возможно, подожмет хвост и сбежит к Томе. Но, вопреки его ожиданиям, Мин Джун холодной рукой обхватил его пенис. Одного только этого было достаточно, чтобы волна удовольствия пронзила поясницу, и Дайки одной рукой схватил Мин Джуну за голову.

— Не мешкай.

— Я обязательно доведу тебя до оргазма. Поэтому мы с Томой пойдем к львам и посмотрим на обезьян. Я буду таскать тебя за собой весь день и полностью вымотаю.

— Скажешь это после того, как доведешь.

Движение руки Дайки вызвало дуновение ветра, откинув полы халата. Обнажились мускулистые ноги с татуировкой леопарда. Мин Джун погладил бедро с татуировкой леопарда. Это была такая же кожа, с пульсирующими сосудами и ощутимой температурой тела, как и у него, но почему-то кожа Дайки казалась иной, не человеческой. От нее исходила опасная аура дикого зверя.

Мин Джун набрал полный рот слюны и широко открыл его. Горячая масса заполнила рот, но основание пениса все еще оставалось снаружи. Мин Джун вдохнул носом и сжал губы, сдавив пенис. Пенис был набухшим до такой степени, что чувствовались выпирающие сосуды над губами. Он не знал, когда Дайки почувствовал к нему вождение и так отреагировал, но каждый раз, ощущая его желание, Мин Джун возбуждался до дрожи.

Мин Джун, придерживая основание члена пальцами и напрягая губы, медленно втянул член. Тонкая кожа, обтягивающая твердый стержень, сдвигалась, скользя по губам. Пенис, который он держал, был горяч, словно охваченный огнем, но взгляд Дайки, брошенный на него украдкой, оставался холодным. В Мин Джуне начал зарождаться азарт. Как бы то ни было, ему даже стало досадно от спокойствия Дайки, у которого не сбивалось дыхание, пока ему делают минет.

«Чертовски сексуально, но пожалуйста, нельзя ли хоть немного постанывать?»

Мин Джун боялся, что его собственный член, которого еще не трогали, взорвется раньше, чем Дайки кончит. Этого он не хотел ни за что. Больше всего Мин Джун хотел заполучить день Дайки любой ценой. Поэтому он напряг низ тела, запечатав возбужденный член, и вспомнил технику минета, которую когда-то видел в видео.

— О чем думаешь? От того, что просто держишь во рту, ничего не получится.

— Да я же....

— Не говори, держи во рту мой член.

Дайки ткнул пальцем в лоб Мин Джуна, который говорил, не выпуская пенис изо рта. Затем его рука, мягкая, вопреки выражению лица, прошла по круглому лбу и погладила лицо вдоль линии подбородка. Желая почувствовать это прикосновение еще немного, Мин Джун прижался щекой к руке Дайки. Низкий смех прозвучал над его головой, и затем Дайки потянул голову Мин Джуна к своей паху. То было приказ перестать мямлить и начать работать как следует.

Мин Джун, с трудом удерживая яички и пенис, не помещавшиеся в одну руку, двигал всем лицом, стимулируя член. Он округлил губы, стимулируя сосуды члена, и двигал головой вперед-назад. Сначала он двигался медленно, постепенно набирая скорость и сжимая губы. В такт этим движениям его пальцы, держащие яички, постоянно двигались.

Член, мокрый от слюны, с каждым движением Мин Джуна липко прилипал, издавая похабные звуки. Даже Мин Джуну было видно, как его тело дрожало. Рука, державшая бедро, напряглась. Мышцы Дайки тоже напряглись, бедро стало твердым, словно отскакивали ногти.

Влажные звуки заглушались, но постепенно дыхание Дайки, двигавшего бедрами в такт движениям рта Мин Джуна, начинало сбиваться. Мин Джун начал закипать от предвкушения. Из его собственного члена, зажатого между ног, уже сочилась липкая жидкость.

Когда кончик языка почувствовал иной, чужеродный вкус, отличный от слюны, тело Мин Джуна вздрогнуло так, что было невыносимо. Его сокровенное место, уже помнившее член Дайки, пылало так, что вся попа пульсировала. Мин Джун кончиком языка настойчиво копался в углублении уретры на кончике пениса, пытаясь спровоцировать семяизвержение Дайки. Казалось, еще чуть-чуть — и всё получится, но Дайки не отпускал его так легко. Мин Джун, изнывая от нетерпения, двигался и посмотрел на Дайки. В тот миг он понял, что значит, когда сердце замирает.

Взгляд Дайки, охваченный желанием, схватил сердце Мин Джуна и, казалось, вот-вот разорвет его. Сильное предвкушение отняло даже дыхание. Мин Джун понял, что как бы он ни работал ртом, он не сможет удовлетворить его. В тот миг, когда Мин Джун хотел выпустить член изо рта, Дайки сначала схватил его за лицо и потянул на себя. Он лизнул его распухшие красные влажные губы своим чистым языком.

— Как я и думал, этим меня не удовлетворить.

Едва закончив говорить, Дайки повалил Мин Джуна на спину, схватил его за лодыжки и поднял их вверх. Дайки, мельком взглянув на покрасневшие внутренние стенки, уставился в глаза Мин Джуна и, взяв свой блестящий от слюны член, направил его туда.

— Хаа... Ах... Дайки.

— Что?

Голос, окаменевший от желания, был пугающе низким и возбуждающим. Мин Джун обвил руками шею Дайки и притянул его к себе.

— Отдай мне... свой день.

— Если удовлетворишь меня. Держи ноги.

— Аа... Мм... Ах.

Когда член Дайки вошел внутрь, разрывая его внутренние стенки, Мин Джун, уже

извергавший семя, вскрикнул и кончил. Но желание Дайки только начиналось. Он схватил тело Мин Джуна и безжалостно двигался. Татуировка леопарда, тянущаяся от упругих ягодиц к икрам, извивалась, словно разъяренная, с каждым движением Дайки.

<http://bllate.org/book/12398/1105534>